

**ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ-
НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА**

**21. YÜZYILIN BAŞINDA RUS DİLİNDE CANLILIK-CANSIZLIK
FONKSİYONEL-SEMANTİK ALANI İNCELEMESİNİN FELSEFİ VE
METODOLOJİK GEREKÇELERİ**

**PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE STUDY OF
FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF ANIMATENESS-INANIMATENESS IN
RUSSIAN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Reşat ŞAKAR*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются философские и методологические основания изучения функционально-семантического поля одушевлённости-неодушевлённости с точки зрения теории поля в русском языке. Категория одушевлённости-неодушевлённости недостаточно изучена в современном русском языкознании. При изучении данной темы неизбежно возникает целый ряд методологических проблем. Для того чтобы исследовать функционально-семантическое поле одушевлённости-неодушевлённости, самыми важными методологическими проблемами являются: 1) проблема функционального подхода к языку и 2) проблема системности описания языкового материала. С точки зрения этого, мы утверждаем, что ФСП одушевлённости-неодушевлённости – это сложная многоуровневая система, образуемая единицами разных языковых уровней. А также, одним из важных идей общей теории систем является положение о взаимодействии системы и среды (т.е. релевантного окружения системы). При анализе ФСП, в центре которого всегда находится морфологическая категория, необходимо опираться на методологическое разграничение системы и среды.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле одушевлённости-неодушевлённости, системный подход, система и среда, теория поля, функциональная грамматика.

ABSTRACT

This article discusses the philosophical and methodological bases of the study of functional-semantic field of animateness-inanimateness, in terms of field theory in the Russian language. Category of animateness-inanimateness poorly understood in the modern Russian linguistics. In the study of the subject inevitably raises a number of methodological problems. To investigate the functional-semantic field of animateness-inanimateness, the most important methodological problems are: 1) the problem of the functional approach to language and 2) the problem of the system description language material. From the point of

* Lomonosov Moskova Devlet Üniversitesi Filoloji Fakültesi Rus dili doktora öğrencisi.
resatsakar@hotmail.com

view of this, we argue that the functional-semantic field of animateness-inanimateness - is a complex multi-level system, formed by units of different language levels. Also, one of the most important ideas of the general theory of systems is the position of the interaction of the system and the environment (i.e., the relevant system environment). In the analysis of functional-semantic field in the center of which is always in a morphological category, you must rely on the methodological distinction between system and environment.

Key words: functional-semantic field of animateness-inanimateness, systems approach, system and environment, field theory, functional grammar.

ÖZ

Bu makalede, Rus dilinde alan teorisi açısından canlılık-cansızlık fonksiyonel-semantic alanı çalışmasının felsefi ve metodolojik gerekçeleri ele alınmaktadır. Çağdaş rus dilinde canlılık-cansızlık fonksiyonel-semantic alanı yeterince çalışılmamaktadır. Konunun çalışılmasında kaçınılmaz olarak metodolojik bir takım sorunlar ortaya çıkmaktadır. Canlılık-cansızlık fonksiyonel-semantic alanını incelemek için en önemli metodolojik problemler: 1) dile fonksiyonel yaklaşımı problemi, 2) dil materyallerini sistemsel tanımlama problemi olarak ortaya çıkmaktadır. Bu bakış açısından bakıldığında, biz canlılık-cansızlık fonksiyonel-semantic alanının, farklı dil seviyeleri birimleriyle oluşturulan karmaşık çok düzeyli bir sistem olduğunu ileri sürmekteyiz. Ayrıca, sistemin genel teorisinin en önemli fikirlerden biri sistem ve çevresi (yani, ilgili sistem ortamı) etkileşimi konumudur. Merkezinde her zaman morfoloji kategorisi yer alan fonksiyonel-semantic alan incelemesinde, sistem ve çevresi metodolojik ayrımını kullanmak gerekir.

Anahtar kelimeler: canlılık-cansızlık fonksiyonel-semantic alanı, sistem yaklaşımı, sistem ve çevre, alan teorisi, fonksiyonel dilbilgisi.

1. Введение

Одним из недостаточно изученных объектов современного русского языкознания является функционально-семантическое поле одушевлённости-неодушевлённости.

Под функционально-семантическим полем (ФСП) вслед за основателем петербургской (ленинградской) школы функциональной грамматики А.В.Бондарко понимается базирующаяся на определенной семантической категории группировка средств различных уровней языка, а также комбинированных языковых средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций.

В настоящее время изучен целый ряд ФСП русского языка: темпоральность, аспектуальность, модальность и т.п. Но далеко не все ФСП изучены. К числу последних относится ФСП одушевлённости-неодушевлённости остается единственным ФСП, которое, по нашей гипотезе, основывается на базисной категории русской морфологии и которое до сих пор отторгается, принципиально не изучается в рамках канонической теории функциональной грамматики.

Для такого отторжения нет никаких научных оснований. В центре ФСП обычно находится какая-то морфологическая категория. Так, ФСП аспектуальности группируется вокруг категории глагольного вида; грамматическим основанием для

выделения ФСП темпоральности служит наличие в русском языке морфологической категории времени¹, и т.д.

В русской морфологии есть морфологическая категория одушевлённости-неодушевлённости, что было доказано А.А. Зализняком. До исследований А.А.Зализняка считалось, что одушевлённые и неодушевлённые существительные представляют собой лексико-грамматические разряды слов, т.е. такие лексические классы, которые противопоставлены по значению, но не по формально-грамматическим показателям. В академической «Грамматике русского языка» одушевлённые и неодушевлённые существительные перечислялись в одном ряду с собственными и нарицательными существительными².

А.А.Зализняк показал, что одушевлённость-неодушевлённость – это не просто противопоставление лексических классов, это особая морфологическая категория, которая находит своё обязательное выражение в совпадении-несовпадении форм именительного и родительного падежей множественного числа³. Так, существительные типа *студентка* являются грамматически одушевлёнными, так как В.п. мн.ч. (*вижу студенток*) = Р.п. мн.ч. (*нет студенток*). Напротив, существительные типа *стена* являются грамматически неодушевлёнными, так как В.п. мн.ч. (*вижу стены*) ≠ Р.п. мн.ч. (*нет стен*). Это правило не знает исключений, поэтому есть все основания признать одушевлённость-неодушевлённость одной из морфологических категорий современного русского существительного (ср. также категории рода, числа и падежа).

Морфологическая категория одушевлённости-неодушевлённости реализует в грамматике потенциал особой семантической категории, связанной с противопоставлением живых существ всем прочим предметам мысли. При этом та же самая семантическая категория проявляет себя и на других уровнях языковой системы – в лексике, морфологии, синтаксисе⁴ и в словообразовании⁵.

Поэтому назрела потребность комплексного описание особого ФСП одушевлённости-неодушевлённости, его грамматического центра и периферии. При этом с точки зрения исследователя интереснее всего проследить не грамматическую реализацию значений одушевлённости и неодушевлённости (что уже достаточно хорошо изучено в науке А.А.Зализняком и другими учёными), а проявление ФСП одушевлённости-неодушевлённости всего в лексике – в разных лексических классах: на уровне существительных, прилагательных, глаголов, наречий.

Мы предполагаем, что при изучении данной темы неизбежно возникает целый ряд методологических проблем.

¹ См. подробнее: *Бондарко А.В.* Основы функциональной грамматики. СПб.: Наука, 1999.

² Грамматика русского языка / Под ред. В.В.Виноградова, Е.С.Истриной, С.Г.Бархударова. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 102-105.

³ См.: *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. С. 62-82.

⁴ См. подробности, прежде всего, кандидатскую диссертацию А.Г.Нарушевича «Категория одушевлённости-неодушевлённости в свете теории поля. // Дис. ... канд. филол. наук: Таганрог. 1996. 163 с.

⁵ См. подробности Клобуков, Шакар 2016; Шакар 2015, Шакар 2016 а, Шакар 2016 б.

Как показывают последние лингвистические и естественно-научные работы методологической направленности⁶, для конкретных работ в области языкознания актуален целый ряд **методологических принципов**, а именно:

- 1) объективность,
- 2) рациональность (рационалистическая обоснованность, доказательность);
- 3) достоверность (правдивость и надежность выводов);
- 4) верифицируемость (опытная подтверждаемость выводов);
- 5) фальсифицируемость (логическая возможность принципиального опровержения теории опытом, которая не означает ложность теории, а показывает, что если теория ложна, то это может быть доказано наблюдением или экспериментом; если теория построена так, что она в принципе непроверяема, то ее нельзя считать научной);
- 6) непротиворечивость (выражение истинного знания в логически непротиворечивых формах);
- 7) когерентность, или системность (согласованность нового знания с теми результатами, которые уже оцениваются как истинные; из двух теорий истинной признается та теория, которая больше совместима с фундаментальным знанием);
- 8) эвристичность (потенция знания к увеличению; из двух теорий более эвристичной является та, которая обеспечивает прирост знания, а не ограничивается систематизацией уже известного);
- 9) воспроизводимость (возможность экстраполяции полученных результатов на другие исследования).

«Кроме того, выделяются достаточно субъективные критерии – такие как простота, красота теории и т.д.»⁷.

Но есть и **более общие методологические проблемы научного исследования**.

Существуют общие законы осуществления научных исследований (и общие законы развития отдельных отраслей науки). Эти вопросы объединяются термином «**методология научных исследований**».

Для нашего исследования **самыми важными методологическими проблемами являются:**

- 1) проблема функционального подхода к языку и
- 2) проблема системности описания языкового материала.

Рассмотрим эти проблемы в основной части нашей статьи.

2. Предмет функциональной грамматики и методологические основания функционального подхода к языку

⁶ См., например: *Попова З.Д., Стернин И.А.* Общее языкознание. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007; *Стрельник О.Н.* Концепции современного естествознания: Конспект лекций. М.: Высшее образование, 2008; *Леонтович О.А.* Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011 и др.

⁷ *Леонтович О.А.* Указ. соч. С.9.

Уже в самом термине «функционально-семантическое поле» подчеркнут особый, функциональный подход к установлению изучаемого объекта.

До недавнего времени (до начала 70-х гг. XX в.) русская грамматическая наука активнее всего использовала методы **структурализма**, принципы которого были сформулированы в лингвистике начиная с 20-х – 30-х гг. прошлого века. Лингвистический структурализм был тесно связан с соответствующим направлением в других отраслях научного знания. В рамках структурального подхода к языку был выполнен целый ряд важных исследований в области русской грамматики, в том числе написан морфологический раздел академической грамматики русского языка⁸.

Понятие структурализма является производным от понятия структуры.

В философском энциклопедическом словаре термин «структура» определяется таким образом: «**СТРУКТУРА** (от лат. *structure* – строение, расположение, порядок), совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т. е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» (Блауберг, Юдин 1983б: 657). Лингвистический структурализм был обращен в основном к изучению системных связей между объектами (например, типов оппозиций грамматических форм, см. исследования Р.Якобсона и других ученых) и в меньшей степени занимался анализом тех элементов, которые находятся в отношениях друг с другом, употреблением этих элементов в речи⁹.

Функциональная грамматика – это сравнительно новое направление лингвистики, в основе которого лежит изучение универсальных категорий языка. Это грамматика, нацеленная на изучение и описание функций единиц строя языка и закономерностей функционирования этих единиц во взаимодействии с равноуровневыми элементами окружающей среды. Грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным ярусам языка, но объединённые на основе общности их семантических функций.

Понятие **функции** является одним из важных общенаучных понятий.

Проблематика **функции** активно обсуждается в современной философской литературе. Одним из наиболее эффективных методов научного анализа считается структурно-функциональный метод, объединяющий структурный подход к изучению объекта с функциональным¹⁰.

Термином “функция” в философии (как и в математике) обычно обозначается «отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них сопутствует изменение другого. Функция может рассматриваться с точки зрения последствий (благоприятных, неблагоприятных – дисфункциональных или нейтральных – функциональных), вызываемых изменением одного параметра в других параметрах объекта (функциональность), или с точки зрения взаимосвязи

⁸ Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Наука. 1970.

⁹ Виноградов В.А. Структурная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1880. С. 496-497.

¹⁰ Здравосмыслов А.Г. Структурно-функциональный анализ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983а. С. 658.

отдельных частей в рамках некоторого целого (функционирование)» (Здравосмыслов 1983б, С. 750).

В лингвистике понятие функции активно обсуждается в работах, посвященных функциональной грамматике (см. исследования А.В.Бондарко, В.Г.Гака, Г.А.Золотовой и других ученых). При этом функция понимается не в математическом смысле. При функциональном изучении языка имеется в виду прежде всего тот аспект изучения функций, который связан с философским понятием “функционирования”, а сама функция понимается как целевое назначение (роль) языковой единицы в рамках высказывания и текста¹¹.

При анализе языкового материала используется подход “от семантики к ее формальному выражению” (“от функций к средствам”, так называемый ономазиологический подход) как основной, определяющий построение грамматики, в сочетании с подходом “от формы к семантике” (“от средств к функциям”). Необходимо отметить, что объектом исследования в функциональной грамматике являются не только факты собственно грамматики в её традиционном понимании (морфология и синтаксис), но и единицы других уровней языка (лексики и словообразования).

В современном русском языкознании, наиболее распространенными и влиятельными течениями функциональной грамматики являются: школа А.В. Бондарко, анализирующая функционально-семантические поля и их реализацию на уровне высказывания в категориальных ситуациях¹², и школа Г.А. Золотовой¹³, осуществляющая функциональный анализ предложения и текста с опорой на понятия синтаксемы и коммуникативного регистра речи. Наше исследование выполнено в рамках того направления функциональной грамматики, которое было разработано А.В.Бондарко.

3. Системный подход при изучении функционально-семантического поля (ФСП)

Одним из ключевых понятий функциональной грамматики является понятие функционально-семантического поля. Как писал А.В. Бондарко, «функционально-семантическое поле (ФСП) – это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории. Можно сказать, что ФСП – это семантическая категория, рассматриваемая в единстве с системой средств ее выражения в данном языке. Так, поле темпоральности, грамматическим центром которого является категория глагольного времени, охватывает и другие компоненты (ср., например, выражение временных отношений в конструкциях типа *Ночь*;

¹¹Бондарко А.В. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 17.

¹²Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и проблемы аспектологии. Л., 1983.; Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. СПб., 1999.; Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.; Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. и др.

¹³Золотова Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Уберите деньги!; Покинуть площадку!; Поспать бы; Я бы завтра зашел и т.п.)» (Бондарко 1999: С. 17).

Понятие ФСП, по мнению А.В.Бондарко, отражает реальные процессы мыслительно-речевой деятельности. В языковом знании говорящих существует способность выразить тот или иной элемент данной семантической категории или субкатегории (например, отнесенность ситуации к будущему) различными языковыми средствами, соответствующими смысловой направленности формирующегося высказывания. Основание понятия ФСП в языковой и речевой онтологии – это круг языковых средств, имеющихся в распоряжении говорящих на данном языке для выражения того или иного варианта определенной семантической категории.

Как полагает А.В. Бондарко, выделяются два основных структурных типа ФСП: 1) моноцентрический, 2) полицентрический.

Моноцентрический тип структуры ФСП наиболее четко представлен полями, в центре которых находится определенная грамматическая категория, концентрирующая в целостной системе наиболее специализированное и наиболее регулярное выражение данного круга функций. Ср. отношения “вид глагола и аспектуальность”, “глагольное время и темпоральность”, “наклонение и объективная модальность”, “лицо и персональность”, “залог и залоговость”.

Примером ФСП со структурной полицентрического типа, по данным монографии А.В.Бондарко, может служить поле качества. Говоря о качестве, А.В.Бондарко имеет в виду, с одной стороны, семантическую категорию, представляющую собой языковую интерпретацию мыслительной категории качества как “видового отличия сущности” (по Аристотелю), а с другой – базирующееся на данной семантической категории ФСП, представляющее собой группировку разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности квалтативных функций.

Из всего сказанного выше следует, что любое ФСП – это **сложная система**. И она должна изучаться системными методами.

Ф. де Соссюр в конце 19-го века впервые определил **язык как систему**, в которой всё взаимосвязано¹⁴.

Определение языка как системы стало широко использоваться в работах по лингвистике, особенно в исследованиях по структурной лингвистике. Но само понятие системы не было точно определено, и это затрудняло конкретные научные исследования. Любой объект языкознания представляет собой или систему (как, например, изучаемое нами функционально-семантическое поле), или часть системы.

Поэтому для лингвистики очень важно, что понятие системы было сформулировано в рамках **системного подхода** к объектам действительности, изучаемым наукой; особенно полезны для конкретных наук выводы **общей теории систем** (см. подробности Л.Берталанфи и др.).

Системный подход к изучению действительности – это такое «направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как *систем*» (Блауберг, Юдин 1983а: С. 612).

¹⁴ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Наука, 1973. С. 46.

Общая теория систем находит общие закономерности строения и развития объектов разных естественных и гуманитарных наук.

Системный подход и общая теория систем развивают один из важных принципов современной философии – **принцип системности**¹⁵.

Общепризнано, что системный подход к объектам действительности «способствует адекватной постановке проблем в конкретных науках и выработке эффективной стратегии их изучения. Методологическая специфика системного подхода определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину» (Там же).

Многие вопросы системного анализа рассмотрены в книге А.И.Уемова «Системный подход и общая теория систем». Автор утверждает, что «системный подход к исследованию означает рассмотрение исследуемых объектов в качестве систем. А это в свою очередь предполагает анализ взаимосвязей в рамках каждой системы» (Уемов 1978: С. 19).

Как сказано в этой книге, *«существенность связей между явлениями означает, что вещь всегда существует какой-то системе. Вне системы объекты существовать не могут. Многообразие типов связей определяет и соответствующее многообразие типов систем, образованных с помощью этих связей»* (Там же: С. 21).

А.И.Уемов подчеркивает, что «центральным в “Общей теории систем” Л.Берталанфи является понятие “открытой” системы. Однако открытость и закрытость, как они обычно определяются в литературе, не представляют собой общесистемного параметра. Общесистемные характеристики объектов, названные нами системными параметрами, применимы к любому объекту, рассматриваемому в качестве системы. Так можно сформулировать ряд системных параметров, значения которых вместе дадут общесистемную экспликацию понятий открытой и закрытой систем. Прежде всего сюда относится *параметр завершенности*» (Там же: С. 167).

А.И.Уемов выделяет целый ряд других параметров, позволяющих классифицировать системы: *минимальность – неминимальность, стабильность (стационарность) – нестабильность* (по этому признаку все системы делятся на сильные и слабые), *автономность – неавтономность элементов* (по этому параметру различаются *гомогенные и гетерогенные* системы) и ряд других¹⁶.

Положения системного подхода в настоящее время используются во многих отраслях современной науки, в частности в языкознании.

Одним из наиболее авторитетных ученых-лингвистов, разрабатывавших принципы общей теории систем на языковом материале, был Г.П.Мельников. В очерке системного подхода к языку, написанном Г.П.Мельниковым в соавторстве с Е.С.Кубряковой, содержится строгое изложение представлений о системе языка. До этого очерка языковая система смешивалась со структурой языка (особенно это наблюдалось в рамках структурализма 1950-х – 1960-х гг.).

¹⁵ Кузьмин В.П. Системности принцип // Философский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 586-587.

¹⁶ Уемов А.И. Указ. соч. С. 169-175.

Авторы указанного очерка пишут, что «приравнивание понятий “система” и “структура” приводит к тому, что через понятие отношений определяют равным образом и систему и структуру объекта. “Выявить структуру объекта, – указывает, например, Б. Рассел, – значит упомянуть его части и способы, с помощью которых они вступают во взаимоотношения” (т.е., говоря о структуре объекта, Б.Рассел фактически включает в структуру понятие элемента (“части”), которое принадлежит не структуре системы, а всей системе» (*Кубрякова, Мельников 1972: С. 16*).

Е.С.Кубряковой и Г.П.Мельниковом отмечается, что «...обязательным признаком явления, получающего название “система” или “структура”, служит его целостность, т. е. невыводимость его общих свойств из свойств отдельных элементов, его составляющих» (Там же: 17).

В указанной книге обращается внимание на то, что «в качестве структурных свойств объекта могут рассматриваться при этом связи двоякого рода: связи между элементами целого (системы) и связи системы как целостности с другими системами. На этом основании структурные свойства объекта можно разделить на внутренние и внешние. Последние, следовательно, выявляются при характеристике данной системы с учетом той надсистемы к которой она принадлежит. Деление структурных связей на внутренние и внешние зависит, таким образом, от “точки отсчета”, или, иначе, от яруса рассмотрения и его глубины. Очевидно, что каждый элемент в рамках целого также имеет как внешние структурные свойства, определяемые его местом в данном целом, так и свои собственные внутренние структурные признаки, определяемые отношениями между его составными частями» (Там же: 25-26). Как мы покажем ниже, разграничение этих двух видов системных отношений очень важно для теории и практики изучения функционально-семантических полей.

Е.С.Кубрякова и Г.П.Мельников утверждают, что «высшую степень системности мы наблюдаем в живых организмах, поскольку именно в них функция, структура и субстанция согласовывались в результате длительного естественного отбора. Язык тоже входит в класс естественных объектов высокого уровня системности, и в принципе его устройство адекватно выполняемым им функциям» (Там же: С. 29).

Система определяется как «известным образом организованное (т. е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей. Реализуя определенную схему связей через элементы определенной природы, система представляет собой такое функциональное образование, целостность которого обеспечивается благодаря наличию конкретного способа согласования структуры с субстанцией. Познание этого способа как нового типа связи, остающегося незамеченным как при субстантном анализе, так и при анализе чистых отношений, составляет главную особенность системного подхода» (Там же: 30).

С этой точки зрения **ФСП одушевлённости-неодушевлённости – это сложная многоуровневая система**, образуемая единицами разных языковых уровней.

В центре этой системы – грамматическая категория одушевлённости-неодушевлённости, которая выделена как особая морфологическая категория русского языка в 1967 году известным ученым-лингвистом А.А.Зализняком¹⁷. Эта категория выражается обязательным противопоставлением форм винительного

¹⁷ Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

падежа множественного числа у одушевлённых и неодушевлённых существительных: *вижу студентов* (В.п. = Р.п.), но *вижу столы* (В.п. = И.п.). Обязательность формально-грамматического выражения одушевлённости-неодушевлённости не принималась во внимание традиционной русской грамматикой, поэтому противопоставление одушевлённых и неодушевлённых существительных неправомерно рассматривалось как некатегориальное различие лексико-грамматических разрядов¹⁸.

Периферию ФСП одушевлённости-неодушевлённости как системы составляют синтаксические и лексические средства, служащие для выражения той же семантической категории. Ср.:

1. синтаксический фрагмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости – выражение одушевлённости-неодушевлённости окончаниями согласуемых слов-атрибутов: *вижу этих студентов* (выражено значение одушевлённости – В.п. атрибута = Р.п.), но *вижу эти столы* (выражено значение неодушевлённости – В.п. атрибута = И.п.);

2. лексический фрагмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости – слова разных частей речи, лексическая семантика которых ориентирована или на одушевлённость, или на неодушевлённость. Ср. глаголы типа *зеленеть*, *голубеть* (в своем прямом номинативном значении они используется обычно при описании явлений неживой природы) и *рождать*, *воспитывать* (в своем прямом номинативном значении они используется только при описании живых существ).

Именно лексический фрагмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости представляет наибольший интерес для исследователя как менее всего изученный.

Одним из важных идей общей теории систем является положение о **взаимодействии системы и среды** (т.е. релевантного окружения системы). Как уже было сказано выше, система функционирует в среде, взаимодействуя с ней.

Так, А.В.Бондарко в своей книге «Функциональная грамматика» пишет, что «одним из существенных элементов, охватываемых понятием «функционирование» (применительно к языковым единицам), является взаимодействие грамматических категорий как систем с окружающей их средой. Соотношение системы и среды рассматривается нами в том смысле, который вкладывается в эти понятия общей теорией системных исследований. Согласно этой теории, система как множество элементов с отношениями и связями между ними, образующими определенную целостность, противопоставлена среде, во взаимодействии с которой система проявляет и создаёт все свои свойства» (Бондарко 1984: 47).

А.В.Бондарко отмечает, что «по отношению к языковым единицам и категориям (исходным системам) можно выделить два типа среды: 1) *парадигматический* (системно-языковой) – окружение данной единицы (категории) в парадигматической системе языка; 2) *синтагматический* (контекстуальный, речевой) – окружение данной единицы в речи, т. е. контекст и речевая ситуация. Обращение к понятию среды позволяет интегрировать под единым углом зрения эти два типа окружений, обычно изучаемых раздельно» (Там же: 49).

¹⁸ См., например: *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз, 1947; *Грамматика русского языка*, т.1. М.: Изд-во АН СССР. 1960 и др.

Автор приводит конкретные примеры взаимодействия языковых системных образований со средой. В качестве примера парадигматического вида среды рассматривается категория глагольного вида. «В поле аспектуальности в русском и других славянских языках, где в роли ядра (центра) выступает категория вида как система граммем СВ и НСВ, средой (в указанном парадигматическом аспекте) по отношению к данной системе являются способы действия (аспектуальные классы, разряды), а также более широкие разряды предельных и непредельных глаголов. Взаимодействие системы и среды в данном случае проявляется как воздействие указанных лексико-грамматических разрядов на реализацию системы видов, т. е. на возможность функционирования либо обоих видов, либо лишь одного из них. Аналогичные проявления зависимости ГК от взаимодействующих с нею лексико-грамматических разрядов известны и в других случаях» (Там же).

С точки зрения разграничения понятий «система» и «среда» в функциональной грамматике принято рассматривать в качестве среды для функционирования морфологической категории все сопутствующие лексические и синтаксические средства.

С другой стороны, нередко одна морфологическая категория более общего порядка (например, категория одушевлённости-неодушевлённости) является средой для функционирования другой, более частной морфологической категории (такой по отношению к одушевлённости-неодушевлённости может рассматриваться категория рода, так как номинативная родовая семантика «мужской биологический пол» и «женский биологический пол» выражается только у одушевлённых существительных типа *студент*, *студентка*, но не у неодушевлённых существительных типа *стол*, *стена*).

Таким образом, при анализе ФСП, в центре которого всегда находится морфологическая категория, необходимо опираться на методологическое разграничение системы и среды.

4. Заключение

В специальной литературе отмечалось, что рамках комплексного исследования ФСП, выполненного под руководством А.В. Бондарко, описаны далеко не все семантические категории¹⁹. Более основательно с функциональной точки зрения описаны прототипические «глагольные» семантические категории («аспектуальность», «темпоральность» и др.) и менее детально – категории с прототипическим именным выражением (например, категория рода). Именно поэтому так нужны исследования, вводящие в контекст функциональной грамматики новые семантические категории, на основе которых в языке формируются особые ФСП – например, ФСП одушевлённости-неодушевлённости.

Как утверждал в своих функционально-грамматических исследованиях А.В. Бондарко, основанием для обсуждения вопроса о наличии в языке особого ФСП является наличие общей (как правило, универсальной) семантической категории, которая выражается грамматическими (морфологическими, синтаксическими) средствами, а также средствами других языковых уровней: лексическими, нередко словообразовательными и т.п.

¹⁹ Кубрякова Е.С., Клобуков Е.В. Теория функциональной грамматики (обзор) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57, №5.

В коллективном труде «Теория функциональной грамматики»²⁰ изучен представительный перечень релевантных для установления ФСП семантических категории. Этот перечень, однако, не является исчерпывающим, он включает только такие семантические категории, как

1) ФСП с предикативным ядром – аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность; персональность, залоговость;

2) ФСП с субъектно-объектным ядром – субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность;

3) ФСП с качественно-количественным ядром – качественность, количественность;

3) ФСП с предикативно-обстоятельственным ядром – локативность, бытийность, посессивность, обусловленность (комплекс полей условия причины, цели, следствия и уступительности)²¹.

В качестве категории, способной стать содержательной базой самостоятельного ФСП, в указанном обобщающем труде не называется целый ряд семантических категорий, например именные категории биологического пола и одушевлённости-неодушевлённости.

Это положение было в последние годы исправлено по отношению к семантической категории биологического пола. По мысли М.А. Кронгауза, есть все основания говорить об универсальной семантической категории 'sexus', которая соотносится с естественной биологической характеристикой живых существ. Как пишет М.А. Кронгауз, «пол, кажется, одна из немногих действительно важных для человека категорий, восприятие которой практически не зависит от языка и культуры» (Кронгауз 1996: 510). Данная семантическая категория во многих языках, как С.Г.Мамечков утверждает, «грамматикализована в виде морфологической категории рода. В русском языке можно говорить о целом классе морфологических категорий, реализующих идею 'sexus': выделяется не только субстантивная категория рода, но также и ряд зависимых от нее одноименных категорий – у прилагательных, числительных, местоимений, глагола. Важно иметь в виду, что семантическая категория биологического пола получает не только морфологическое выражение» (Мамечков 2010: 7).

Исходя из сказанного, С.Г. Мамечков ввел в научный оборот понятие ФСП биологического пола и дал в своей кандидатской диссертации и ряде публикаций по этой диссертации детальное описание данного ФСП.

Следовательно, лишь ФСП одушевлённости-неодушевлённости является в настоящее время достаточно неизученным функциональной грамматикой объектом. Нет никаких оснований для того, чтобы не выделять и не изучать такой объект. ФСП одушевлённости-неодушевлённости стало объектом научного описания лишь в последнее время. Вопрос о принципиальной возможности выделения данного языкового поля был поставлен в кандидатской диссертации А.Г.Нарушевича (Нарушевич 1996); Идея целесообразности выделения ФСП одушевлённости-

²⁰ Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. (ТФГ 1987).

²¹ Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. СПб., 1999. С. 32.

неодушевлённости детально развивается также в статье А.П.Володина, который отрицал наличие такого поля (Володин 2001: 36-42). Благодаря указанным исследованиям все основные морфологические категории русского языка, включая род и одушевлённость-неодушевленность, были описаны с точки зрения теории поля (в работах А.П.Володина и С.Г.Мамечкова речь идёт о ФСП в понимании А.В.Бондарко, в диссертации А.Г.Нарушевича говорится просто о «поле» или о «языковом поле», хотя методика вычленения элементов этого поля и их анализ свидетельствует, что исследуемое автором поле вполне может быть названо функционально-семантическим). Но ни А.Г.Нарушевич, ни А.П.Володин не затрагивали вопроса о словообразовательном компоненте данного языкового поля. Как выше указаны, прежде всего в нашей кандидатской диссертации, и в других публикациях детально рассмотрены нами и словообразовательные средства именно одушевлённости с точки зрения теории поля.

Семантическая категория, базирующаяся на противопоставлении живых существ всем остальным объектам действительности, также является универсальной категорией человеческого сознания. В русском языке эта категория выражена, как уже говорилось выше, особой морфологической категорией одушевлённости-неодушевлённости и, дополнительно, синтаксическими, лексическими и словообразовательными средствами. Поэтому перед нами особое ФСП, которое до сих пор недостаточно было никем не описано как система.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бертуланфи Л.* (1969). *Общая теория систем.* - М.: Системное моделирование.
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* (1983а). 'Системный подход' // *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия. С. 612.
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* (1983б). 'Структура' // *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия. С. 657.
- Володин А.П.* (2001). 'О функционально-семантическом поле одушевлённости / неодушевлённости' // *Исследования по языкознанию.* СПб., С. 36-43.
- Бондарко А.В.* (1983). *Принципы функциональной грамматики и проблемы аспектологии.* Л. 349 с.
- Бондарко А.В.* (1984). *Функциональная грамматика.* Л.
- Бондарко А.В.* (1987). *Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность.* Таксис. Л.: Наука.
- Бондарко А.В.* (1999). *Основы функциональной грамматики.* СПб.
- Бондарко А.В.* (2002). *Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка.* М.
- Бондарко А.В.* (2005). *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования.* М.
- Виноградов В.А.* (1880). 'Структурная лингвистика' // *Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева.* М.: Советская энциклопедия. С. 496-497.

Виноградов В.В. (1947). Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз.

Грамматика русского языка (1960). Под ред. В.В.Виноградова, Е.С.Истриной, С.Г.Бархударова. Т.1. М.: Изд-во АН СССР.

Грамматика современного русского литературного языка (1970). Под ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Наука.

Зализняк А.А. (1967). Русское именное словоизменение. М.: Наука.

Здравосмыслов А.Г. (1983а). 'Структурно-функциональный анализ' // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия. С. 658.

Здравосмыслов А.Г. (1983б). 'Функция' // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия.

Золотова Г.А. и др. (1998). Коммуникативная грамматика русского языка. М.

Клобуков Е.В., Шакар Р. (2016). 'Взаимодействие морфологических, лексических и словообразовательных средств выражения одушевлённости-неодушевлённости'. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. № 3. С. 15-27. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

Кронгауз М.А. (1996). 'SEXSUS, или Проблема пола в русском языке' // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*. М.

Кубрякова Е.С., Клобуков Е.В. (1998). 'Теория функциональной грамматики (обзор)' // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 57, №5.

Кубрякова Е.С., Мельников Г.П. (1972). 'Трактовка понятий «система» и «структура» в современной науке' // *Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А.Серебренникова*. М. С. 14-31.

Кузьмин В.П. (1989). 'Системности принцип' // *Философский энциклопедический словарь*. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия. С. 586-587.

Леонтович О.А. (2011). Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис. 224 с.

Мамечков С.Г. (2010). Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М.

Нарушевич А.Г. (1996). Категория одушевлённости-неодушевлённости в свете теории поля // *Дис. ... канд. филол. наук: Таганрог*. 163 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. (2007). Общее языкознание. М.: АСТ: Восток-Запад. 408 с.

Соссюр Ф. де. (1973). Курс общей лингвистики. М.: Наука.

Стрельник О.Н. (2008). Концепции современного естествознания: Конспект лекций. М.: Высшее образование. 324 с.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис (1987). Гл. редактор А.В. Бондарко. Л.

Уемов А.И. (1978). Системный подход и общая теория систем. М., «Мысль». 272 с.

Шакар Р. (2015). 'К изучению словообразовательных средств выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости в современном русском языке' // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 5. С. 171-184.

Шакар Р. (2016а). 'Особенности реализации словообразовательного поля одушевлённости в русском языке начала XXI века' // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 189-197.

Шакар Р. (2016б). Стрoение словообразовательного поля одушевлённости в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Москва. 297 с.

KAYNAKÇA

Bertalanfi L. (1969). *Obşaya teoriya sistem.* M.: Sistemnoye modelirovaniye.

Blauberg İ.V., Yudin E.G. (1983а). 'Sistemnyy Podhod' // *Filosofskiy ensiklopediçeskiy slovar.* M.: Sovetskaya ensiklopediya. S. 612.

Blauberg İ.V., Yudin E.G. (1983b). 'Struktura' // *Filosofskiy ensiklopediçeskiy slovar.* M.: Sovetskaya ensiklopediya. S. 657.

Volodin A.P. (2001). 'O funksionalno-semantiçeskom pole oduşevlyonnosti/neoduşevlyonnosti' // *İssledovaniya po yazıkoznaniyu.* Spb., S. 36-43.

Bondarko A.V. (1983). *Prinsipı funksionalnoy grammatiki i problemi aspektologii.* L. 349 s.

Bondarko A.V. (1984). *Funksionalnaya grammatika.* L.

Bondarko A.V. (1987). *Osnovaniya funksionalnoy grammatiki // Teoriya funksionalnoy grammatiki: Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis.* L.: Nauka.

Bondarko A.V. (1999). *Osnovi funksionalnoy grammatiki.* Spb.

Bondarko A.V. (2002). *Teoriya znaçeniya v sisteme funksionalnoy grammatiki: Na materiale russkovo yazıka.* M.

Bondarko A.V. (2005). *Teoriya morfologiçeskih kategoriy i aspektologiçeskiye issledovaniya.* M.

Vinogradov V.A. (1880). 'Strukturnaya lingvistika' // *Lingvistiçeskiy ensiklopediçeskiy slovar / Gl. red. V.N.Yartseva.* M.: Sovetskaya ensiklopediya. S. 496-497.

Vinogradov V.V. (1947). *Russkiy yazık (Grammatiçeskoe uçeniye o slove).* M.: Uçpedgiz.

Grammatika russkovo yazıka (1960). Pod red. V.V.Vinogradova, E.S.İstrinoy, S.G.Barhudarova. T.I. M.: İzd-vo AN SSSR.

Grammatika sovremennovo russkovo literaturnovo yazıka (1970). Pod red. N.Y.Şvedovoy. M.: Nauka.

Zaliznyak A.A. (1967). *Russkoye imennoye slovoizmeneniye.* M.: Nauka.

Zdravosmislov A.G. (1983а). 'Strukturno-funksionalnyy analiz' // *Filosofskiy ensiklopediçeskiy slovar.* M.: Sovetskaya ensiklopediya. S. 658.

Zdravosmislov A.G. (1983b). 'Funksiya' // *Filosofskiy ensiklopediçeskiy slovar.* M.: Sovetskaya ensiklopediya.

Zolotova G.A. i dr. (1998). Kommunikativnaya grammatika russkovo yazıka. M.

Klobukov E.V., Şakar R. (2016). 'Vzaimodeystviye morfologičeskikh, leksičeskikh i slovoobrazovatelnih sredstv vırajeniya oduşevlyonnosti/neoduşevlyonnosti'. Vestnik Moskovskovo gosudarstvenno-oblastnovo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. № 3. S. 15-27. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

Krongauz M.A. (1996). 'SEXSUS, ili problema pola v russkom yazıke' // Rusistika. Slavistika. İndoyevropeistika. Sbornik k 60-letiyu Andreyana Anatolyeviçana Zaliznyaka. M.

Kubryakova E.S., Klobukov E.V. (1998). 'Teoriya funksionalnoy grammatiki (obzor)' // İzvestiya RAN. Seriya literaturı I yazıka. T. 57, №5.

Kubryakova E.S., Melnikov G.P. (1972). 'Traktovka ponyatıy "sistema" i "struktura" v sovremennoy nauke' // Obşeye yazıkoznaniye: Vnutrennyaya struktura yazıka / Pod red. B.A.Serebrennikova. M. S. 14-31.

Kuzmin V.P. (1989). 'Sistemnosti prinsip' // Filosofskiy ensiklopedičeskıy slovar. İzd. 2-e. M.: Sovetskaya ensiklopediya. S. 586-587.

Leontoviç O.A. (2011). Metodi kommunikativnih issledovaniy. M.: Gnozis. 224 s.

Mameçkov S.G. (2010). Funksionalno-semantičeskoye pole biologičeskovo pola v sovremennoy russkom yazıke. Avtoref. diss. ... kand. fiololog. nauk. M.

Naruşeviç A.G. (1996). Kategoriya oduşevlyonnosti/neoduşevlyonnosti v svete teorii polya // Diss. ... kand. fiolol. nauk: Taganrog. 163 s.

Popova Z.D., Sternin İ.A. (2007). Obşeye yazıkoznaniye. M.: AST: Vostok-Zapad. 408 s.

Sossür F. De. (1973). Kurs obşey lingvistiki. M.: Nauka.

Strelnik O.N. (2008). Kontsepsii sovremennoy yestvestvoznaniya: Konspekt leksiy. M.: Vişşeye obrazovaniye. 324 s.

Teoriya funksionalnoy grammatiki: Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis (1987). Gl. redaktor A.V. Bondarko. JI.

Uyemov A.İ. (1978). Sistemnyy podhod i obşaya teoriya sistem. M., «Mısl». 272 s.

Şakar R. (2015). 'K izuçeniya slovoobrazovatelnih sredstv vırajeniya semantičeskoy kategorii oduşevlyonnosti/neoduşevlyonnosti v sovremennoy russkom yazıke' // Vestnik Moskovskovo universiteta. Seriya 9: Filologiya. № 5. S. 171-184.

Şakar R. (2016a). 'Osobennosti realizatsii slovoobrazovatelnoy polya oduşevlyonnosti v russkom yazıke naçala XXI veka' // Filologičeskiye nauki. Voprosi teorii i praktiki. Tambov: Gramota. № 9(63): v 3-h ç. Ç. 2. S. 189-197.

Şakar R. (2016b). Stroyeniye slovoobrazovatelnoy polya oduşevlyonnosti v sovremennoy russkom yazıke. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskova. 297 s.